

Питер Бамм

**Невидимый флаг
Фронтовые будни
на Восточном фронте
1941-1945**

ББК 63.3(0)62
Б22

Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.

Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

Серия «За линией фронта. Мемуары»
выпускается с 2002 года

*Разработка серийного оформления
художника И.А. Озерова*

Бамм Питер
Б22 Невидимый флаг. Фронтовые будни на Восточном фронте. 1941—1945 / Пер. с англ. И.А. Емецца. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. — 269 с. — (За линией фронта. Мемуары).

ISBN 978-5-519-73172-0

Немецкий военный хирург Питер Бамм делал операции в летней пыли и в зимнюю стужу, без отдыха в течение многих часов в самых тяжелых условиях. Временные полевые госпитали организовывались прямо в окопах и бомбоубежищах, поток раненых не иссякал. Бамм был фронтовым медиком и выполнял свой долг, спасая людей. В своих воспоминаниях он описывает тяжелые фронтовые будни на Восточном фронте.

ББК 63.3(0)62

- © Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2006
- © Художественное оформление серии, ЗАО «Центрполиграф», 2006

ISBN 978-5-519-73172-0

Глава 1

ОСТРЫЙ КУСОЧЕК СТАЛИ

Четко очерченная, выполненная в стиле барокко, далекая флотилия парила высоко над истерзанной войной землей. Белоснежные облака медленно плыли по бескрайнему украинскому небу. Они создавали игру света, время от времени бросая тень на окрестный пейзаж, состоявший из лесов и холмов.

На краю небольшого леса стояла крестьянская телега, а в ней находилась громадная бочка, заполненная не вином, а кое-чем гораздо более ценным — водой. К востоку гряда холмов становилась более пологой, напоминая нарисованный пейзаж. На третьей гряде зелень все еще не пожухла под палящим солнцем и четко просматривалась; четвертая гряда была скрыта за голубой вуалью. Между ними нес свои воды Днестр. Здесь и там двигались грузовики, то взбираясь на холм, то опять исчезая в ложбине; между деревьями поднимались дымки; откуда-то сверху был слышен звук летящего самолета.

На самом деле этот умиротворяющий пейзаж представляет собой поле боя. Немецкие войска пытаются форсировать Днестр. Ветер дует с запада, поэтому с опушки леса не доносится гул артиллерийской канонады, хотя река находится всего в четырех километрах от нас. В лесу медицинская часть разбила несколько палаток, замаскировав их кое-как ветвями ели и акации — акация уже начала сохнуть. Одна из па-

латок представляет собой операционную и, в некотором смысле, также является полем боя.

При упоминании об операционной у кого-то невольно всплывают в памяти белоснежный пол, покрытые кафелем стены, большое окно, покрытое инеем, сверкающая сталь операционного стола, над которым горит большая лампа, никелевые стерилизаторы, хирургические инструменты. Все эти атрибуты необходимы для того, чтобы избежать заражения, полностью избавиться от болезнетворных микробов; ни один из непростерилизованных или непродезинфицированных инструментов не должен прикасаться к ране. В полевом госпитале, который, как правило, расположен на некотором удалении от линии фронта, довольно легко создать все необходимые условия, но этого не так-то просто добиться в полевых хирургических госпиталях, которые открывают медицинские роты прямо на передовой. Судьба раненого человека в основном зависит от того хирурга, в руки к которому он попал. С каждым часом, который проходит от момента ранения и до оказания ему первой хирургической помощи, его шансы на спасение уменьшаются. Ранение в брюшную полость спустя 2 часа можно прооперировать с большим шансом на успех, но через 12 часов шансов на спасение раненого уже практически не остается. Поэтому исключительно важно расположить полевой хирургический госпиталь как можно ближе к передовой — даже если при этом он оказывается в зоне досягаемости вражеской артиллерии. Однако, с другой стороны, нет никакого смысла проявлять ненужный героизм и размещать его так близко к вражеским позициям, что его легко смогут уничтожить.

В самом начале войны штаб дивизии издал приказ, регламентировавший правила дислокации полевых хирургических госпиталей. Позднее мы сами стали выбирать места для их расположения. Когда нам приходилось делать операции во время отступления, мы должны были самостоятельно определять, как долго мы сможем делать операции в данном месте без риска оказаться в плену.

При выборе места для полевого хирургического госпиталя определяющее значение имеют три фактора. Первый должен учитывать ход сражения, второй — вражеский огонь, и третий — транспорт. Он нужен был как для доставки раненых в полевой хирургический госпиталь, так и для эвакуации их в стационарный госпиталь после оказания им первой хирургической помощи.

Организация такого полевого операционного центра не требует больших усилий и целиком зависит только от персонала. Единственное необходимое условие для этого — наличие воды. Обычно в штате каждой немецкой дивизии числились две медицинские роты, одна из них была моторизованной, а другая была оснащена транспортом на конной тяге. Личный состав последней часто пользовался велосипедами, хотя часто им приходилось передвигаться и пешком. Я был приписан именно к такой роте.

Крытые фургоны нашей медицинской роты выглядели как реквизит, оставшийся от войны 1870 года. Эти лошади, тащившиеся по проселочным дорогам и перевозившие медицинское оборудование, настолько же отстали от научного прогресса, как если бы они соревновались в скорости с «мессершмитами».

Пол операционной палатки представлял собой не что иное, как черную, немного сыроватую украинскую почву. Наклонные парусиновые стены были густо облеплены мухами. Не было никакого окна с покрытым инеем стеклом, а было только треугольное отверстие, служившее одновременно как входом, так и выходом. Для защиты от мух это отверстие приходилось закрывать одеялом. Стерилизация инструментов производилась на спиртовой горелке. Лампа освещения питалась от батареи. Инструменты и прочее оборудование были в полном комплекте и отвечали современным требованиям; в крытом фургоне, служившем амбулаторией, ничего не пропадало.

Ответственным за этот фургон был сержант Кинцль. Хотя его фамилия имела швабские корни, Кинцль до войны был пивоваром в Берлине. Он был перwokласс-

ным организатором и обладал врожденным даром все планировать наперед. Ни разу — ни во время наступлений или отступлений, находились ли мы на плацдарме или в «котле», будь то во время кишашего мухами знойного русского лета, или во время ледяной русской зимы — не было такого случая, чтобы у Кинцля под рукой не оказалось нужных лекарств. От него никто никогда не видел проявлений безумной храбрости, но он был ответственным, надежным человеком; сотни раненых должны быть благодарны ему за свое спасение.

Нам пришлось оперировать в этом месте в течение трех дней, так как именно три дня понадобилось на то, чтобы прорвать «линию Сталина». Какой убогой представлялась тогда эта палатка в небольшом лесу на берегу Днестра! Но впоследствии я часто вспоминал о ней — треугольный вход в операционную со стенами из парусины, через который санитары едва могли протиснуть носилки, в некотором смысле был волшебной дверью.

Солдат — просто человек — получил ранение. Он был ранен во время атаки и в мгновение ока стал совершенно беспомощным. До этого мгновения вся его энергия была направлена на продвижение вперед, на борьбу с врагом. Он настолько был погружен во все происходящее, что у него не было времени подумать о себе. Однако теперь он предоставлен сам себе: вид собственной крови заставляет его погрузиться в собственные проблемы. Еще мгновение назад он мог изменить ход истории, а еще через мгновение он не сможет помочь даже сам себе.

Через несколько часов на землю падает ночь. Его охватывает ужас. Неужели ему суждено умереть от потери крови? Найдут ли его? Не ранят ли его еще раз? Не отступают ли немцы? Не захватят ли его в плен русские?

Вечность проходит до того момента, когда несколько солдат отташат его обратно кратчайшим путем. Здесь, в воронке от взрыва артиллерийского снаряда или в наскоро отрытой траншее, оборудован пункт первой медицинской помощи, там находится полковой врач. Раненого

солдата перевязывают, накладывают шину и делают укол, чтобы облегчить его страдания. Затем его укладывают на свободное место, оставляя гадать, удастся ли ему отсюда выбраться. Наконец, его собираются отправлять дальше и грузят в машину скорой помощи. В конечном итоге он оказывается среди множества других раненых, лежа в полутьме. Напряженную тишину нарушают только стоны окружающих. Спустя долгий промежуток времени вновь появляется санитар. С того момента, когда пациент попадает в яркий круг света операционной лампы, он перестает быть просто несчастным, грязным, перепачканным кровью беспомощным телом, здесь, на операционном столе, вновь становится человеком, о котором заботятся и оказывают всю необходимую помощь.

Это маленькое чудо помогает совершить острый кусочек стали, который весит меньше 100 граммов и называется скальпелем. В нем сосредоточено мастерство хирурга, накопленное за многие годы учебы и работы; этот инструмент является воплощением многовекового опыта и своего рода символом современной организации медицинской службы в армии. А над всем этим, над этой маленькой палаткой в лесу, на берегу Днестра, под бездонным украинским небом развевается маленький гордый флаг, невидимый флаг, флаг гуманизма.

В тот момент мы еще не знали, придем ли мы под этим флагом к победе или к поражению.

Глава 2

НА СОВЕТСКОЙ ГРАНИЦЕ

«Линия Сталина», представлявшая собой линию укреплений на восточном берегу Днестра, была прорвана. Немецкие войска пересекли реку, а следом за ними инженерные подразделения переправили на противоположный берег несколько машин скорой помощи. Эти машины доставляли раненых с линии фронта на восточном берегу реки; некоторых из них на понтонах переправляли через реку; еще большее число машин ско-

рой помощи доставляло раненых по пересохшему дну реки на обрывистый западный берег; большой гусеничный трактор затаскивал их наверх. Затем, уже на других фургонах скорой помощи, они попадали к нам. К тому времени мы уже переместились ближе к берегу реки, чтобы сократить им путь.

Мне надо было поехать в штаб дивизии, чтобы выяснить ситуацию. Только что прошла гроза, сопровождавшаяся сильным ливнем. Почти все машины быстро застредали в грязи: это было первое предупреждение относительно того, что нам ожидать от русской земли. Однако пока еще стояло лето; в течение нескольких часов солнце высушило всю грязь, образовавшуюся после грозы. Но во всех своих проявлениях — а их было много, и зачастую они были непредсказуемы — грязь оказалась таким же смертельным врагом для раненых, как и холод. Но пока мы еще в полной мере этого не осознавали.

Для поездки я выбрал лошадь. По дороге, когда я оглябал опушку леса, я увидел протестантского капеллана, сидящего на земле. Он привязал свою лошадь к дереву и, казалось, что-то искал. Я спешил. Мы ранее были уже знакомы и испытывали по отношению друг к другу чувство симпатии. Впервые мы встретились в маленькой церквушке во Франции в 1940 году. Во время наступления под Шмен-де-Дам полевой хирургический госпиталь располагался как раз в ней. Церковь была разрушена во время Первой мировой войны, но затем старательно восстановлена, отчасти для этого была использована прежняя кладка. Старые камни отчетливо выделялись на фоне вновь отстроенных стен. У нас состоялась продолжительная дискуссия, касавшаяся круглых башен, покрытых черепицей, которые возвышались по углам. Не без чувства самодовольства ученый прочитал целую лекцию богослову; он ему объяснил, что башни такого типа, так называемые «круглые», можно найти на всем пространстве от Пиренеев до Южной Англии.

Всегда было крайне приятно встретить в зоне боевых действий кого-нибудь из старых знакомых. Первым делом вы испытываете чувство внутреннего удовлетво-

ния и облегчения, что этот человек все еще жив. Затем каждый начинает рассказывать истории о том, что с ним приключилось за последнее время. Зачастую невозможно определить, где фантазия автора переплетается с реальными фактами. Но при встречах подобных этой есть шанс узнать какую-нибудь ценную информацию. Двое людей приветствуют друг друга, когда они встречаются в боевых условиях, точно так же, как и афиняне, наверное, приветствовали друг друга, когда они встречались на агоре:

— Τί νεωτερον? (Что нового?)

Мы сели вдвоем на стволе дерева с одинаковым чувством — словно мы сели за столик в кафе на бульваре.

У хирурга был хороший повод оценить самого капеллана и его работу. Когда хирург, слуга людей, достигает пределов своих возможностей, за дело берется слуга Господа. Он может указывать путь, начиная с того момента, когда ученый беспомощно разводит руками, к воротам, ведущим к вечности; это путешествие требует комфорта и подтверждения из источников знания более глубоких, чем те, которыми когда-либо располагала наука.

Раненый человек, который умирает в полевом хирургическом госпитале, не является инвалидом в прямом смысле этого слова. Это человек в полном расцвете сил, безвременно вырванный из жизни, не успевший многого сделать. Отчаяние молодого человека, которому судьба даровала еще несколько часов земной жизни, просто безмерно, и все те почести, которые во всем мире воздают павшим в бою, не могут уменьшить его страдания ни в малейшей степени.

Тогда перед умирающим человеком склоняется капеллан, — а в то время вокруг него другие раненые принимают пищу, — у него в руках нет ничего, кроме Книги, которая дает настоящее утешение. Очень часто я восхищался этими служителями Господа, многим они приносили успокоение в их последний час.

Даже сейчас я точно не знаю, как относиться к истории, которую мне тогда рассказал капеллан. Накану-

не днем к нам доставили интенданта, заведовавшего продовольственным складом. Взрывом шального снаряда, в нескольких километрах от линии фронта, ему оторвало левую руку и разворотило левое колено. Он был совершенно безвредным человеком: в первую очередь он заботился о бобах и ветчине и даже не помышлял стать героем. Мы сделали все, что только можно было, для обрубка его руки и ампутировали ногу. Он даже потерял не очень много крови; иногда, когда отрывает конечности, стенки кровеносной артерии сужаются, и их закупоривает сгусток крови, который через некоторое время рассасывается. Но пациент, этот мирный человек, который так внезапно попал в объятия смерти, испытал сильнейший нервный шок.

Состояние нервного шока, сопутствующее ранению, хорошо известно медикам, и его легко определить. Это органическое нарушение нервной системы, которое приводит к проблемам в кровообращении, перебоям пульса, сокращениям мышц и к сбою некоторых других функций организма. Все эти нарушения связаны с работой головного мозга.

Несмотря на все наши усилия, нам не удавалось вывести пациента из этого состояния. Когда я отправлялся в путь, он был при смерти.

Он попросил священника отослать имевшиеся у него часы его жене: это был ее подарок. Он их носил на утраченной ныне левой руке. Он точно описал место, где его ранили; как раз та самая опушка леса, где мы сейчас сидели. Это было последнее желание несчастного человека, который встретил смерть в заботах о доверенном ему складе.

Как священник, так и хирург занялись поисками воронки от снаряда. Это оказалось довольно просто, так как вокруг лежали поваленные деревья. На оторванной руке сидела ворона. Часы все еще шли...

Когда я добрался до штаба дивизии, то застал там начальника штаба, сидевшего на маленьком раскладном стульчике. Он как раз завтракал ветчиной и бобами, доставая их из жестяной банки. Майор Гене-